

Академик
Н. С. Державин

ПУШКИН В БОЛГАРИИ

два ли за пределами родины Пушкина,— писал один из основоположников болгарского марксистско-ленинского литературоведения, Георгий Бакалов,— имеется иная страна, кроме Болгарии, где в большей степени его считали бы близким, своим поэтом. В Болгарии знали и знают Пушкина не как *одного* из лучших мировых поэтов, а как *самого лучшего*. До знакомства с Пушкиным не существовало болгарской поэзии».¹

Это свидетельство видного представителя болгарской передовой общественной мысли может быть подтверждено обильными фактами, свидетельствующими не только о широком интересе болгарских читателей к творчеству великого русского поэта, но и о глубоком внедрении творчества Пушкина в болгарскую культуру, о значительном влиянии на литературную жизнь страны.

Знакомство болгарских читателей с русским поэтом происходит в рамках того общего процесса болгарско-русских связей, который восходит к началу прошлого века и с необыкновенной интенсивностью проявляется в особенности в период национального болгарского возрождения.

Период этот, в котором наиболее активной и передовой силой выступает болгарская революционная демократия, выражающая настроения и чаяния широких масс болгарского крестьянства и городского населения, был периодом накопления и развертывания сил национально-освободительной, народной революции. Вступив в решительную фазу с конца 40-х годов прошлого века, этот период был завершён славным восстанием 1876 г., вскоре за которым героические подвиги русского народа освободили Болгарию от пятивекового турецкого ига.

Крупнейшие деятели болгарского возрождения как в лагере «просветителей», так и в лагере последовательных сторонников революционного разрешения национального вопроса, обращали свои взоры к России и

¹ «А. С. Пушкинъ. 100 години от смъртта му», София, 1937, 20 февралю, стр. 9.

к русскому народу, как к естественному своему покровителю и будущему освободителю. Этим же деятелям болгарский народ был в особенности обязан установлению тесных связей с русской культурой, в частности с русской передовой общественной мыслью, с передовой русской художественной литературой.

С 1839 г. в русских учебных заведениях появились первые ученики-болгары, с неимоверными трудностями преодолевавшие все те препятствия, которые чинились настороженными турецкими властями каждому болгарину, хотевшему получить образование в братской России. С годами число подобных «русских воспитанников» значительно возросло. Болгарское юношество учится в Москве, Одессе, Херсоне, Николаеве, Петербурге, Киеве, Харькове и Казани, а также в болгарской гимназии, открытой в бессарабском городке Болграде, воспринимая в крупных центрах России не только официальную гимназическую и университетскую науку, но и, что было гораздо важнее, достижения передовой, революционно-демократической русской общественной и философской мысли. Именно это юношество ввело в болгарскую культуру Герцена и Белинского, Добролюбова и Чернышевского, Писарева и других властителей дум нашей революционной демократии.

Через это юношество и через создающийся новый слой болгарской демократической интеллигенции в болгарскую жизнь входят Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Шевченко, Тургенев, Некрасов — вся передовая русская литература, проникающая и в местную болгарскую печать, и в школу, и в библиотеки восторженных почитателей русской революционно-освободительной мысли.

Важно отметить, что в связи с ростом болгарского национально-освободительного движения и в связи с углублением процесса назревания революции, в сознании передовых представителей болгарской демократии устанавливается неразрывное единство между русской революционно-демократической мыслью и русской художественной литературой, что превращается в устойчивую традицию восприятия в Болгарии русской культуры. Нельзя, вместе с тем, не подчеркнуть и того обстоятельства, что русская литература 60—70-х годов, благодаря языковой близости двух братских народов, воспринималась в поработанной турками Болгарии как литература своя, родная, как литература, отражающая мысли и чаяния самого болгарского народа и служащая для него источником высоких идейных обогащений. Поэзия Пушкина в этих условиях занимала едва ли не первенствующее место в становлении новой, демократической болгарской культуры, воспринимаемая как живой голос великого русского народа.

Правда, еще в 1848 г. болгарская пресса, впервые упоминающая на страницах «Цареградского вестника» имя Пушкина, не совсем ясно понимает все богатство содержания творчества русского поэта, именуя его «сатириком». Но, во-первых, «Цареградский вестник» далеко не являлся

органом передовой болгарской демократической мысли, а, во-вторых, эпитет «сатирик», судя по всему, означал в данном случае поэта-обличителя, автора политических стихотворений и эпиграмм, каким Пушкин воспринимался в 30—40-х годах славянской общественностью, отчасти под влиянием известного некролога Адама Мицкевича. В следующем, 1849 г. один из первых крупных болгарских поэтов, Петко Славейков, знакомится с творениями Пушкина по хрестоматии Галахова, переписывает часть из них в свою записную тетрадь и снабжает эти записи кратким, но весьма характерным в своей сердечной теплоте замечанием по адресу русского поэта: «Не был мне братом он, но став известным по музе, сделался милее брата». С начала 50-х годов Петко Славейков создает первые в болгарской литературе переводы-обработки пушкинских стихотворений «Канарче» («Канарейка») и «Стара-планина» («Старая гора»), в основе которых лежат «Не пой, красавица, при мне» и элегия «Погасло дневное светило».

Знаменателен, прежде всего, сам факт обращения Петко Славейкова к Пушкину, свидетельствующий о назревшем решительном переломе в ориентации молодой болгарской поэзии от следования греческим образцам любовной лирики, к поискам самобытности и контакту с русской поэтической культурой. В поэтической биографии самого Петко Славейкова его первые опыты ознакомления болгарского читателя с пушкинской поэзией занимают особое место, как веха, определяющая переход от книжных эллинических вирш к свободному поэтическому творчеству, развивающемуся под знаком народности. Петко Славейков в последующие годы дал ряд переводов пушкинских произведений, в том числе ставший классическим перевод «Сказки о рыбаке и рыбке». Наряду с этим он явился и первым из болгарских поэтов, на творчестве которого самым благотворным образом сказалось воздействие пушкинского стиха, пушкинской образности и мотивов пушкинской поэзии. Не будучи представителем революционного крыла болгарской демократии, Петко Славейков, естественно, прошел мимо тех произведений Пушкина, в которых явно и призывно звучала революционная, декабристская тема, но он глубоко реагировал на гуманистические мотивы лирики Пушкина, на ее глубоко человеческое начало, на ее народность. Именно под влиянием Пушкина Петко Славейков вырос в того поэта, который может быть назван первым подлинным лириком новой болгарской литературы.

Почти одновременно с первыми опытами перевода пушкинских произведений на болгарский язык Петко Славейковым, обнаруживается влияние Пушкина на развитие болгарской драматургии. Напечатанный в 1859 г. «драматический монолог» Поповича «Мысли владыки Иллариона перед уничтожением болгарских книг в библиотеке тырновской митрополии» явно свидетельствует о влиянии монолога Скупого рыцаря. Образ грека-фанариота, ненавистника национальной болгарской культуры, возник в сознании Поповича на фоне впечатлений от пушкинской

драматической сцены с ее образом безжалостного к чужому страданию, жестокого рыцаря.

Начиная с Поповича, ближайший период развития болгарской национальной драмы связан с Пушкиным. Для болгарской драматургии была особенно важной и плодотворной ориентация на высокий жанр народной исторической трагедии, образец которой был найден в пушкинском «Борисе Годунове». Следы знакомства с «Борисом Годуновым» можно обнаружить уже у первого болгарского драматурга, создателя в 60-х годах жанра национально-исторической драмы, Добри Войникова. Пушкинским влиянием в еще большей степени отмечен и лучший классический образец этого жанра — трагедия Василия Друмева «Иванко, убийца царя Асена» (1872), в политической идее, структуре и центральных образах которой сказалось отчетливое воздействие «Бориса Годунова». Образ узурпатора власти и правителя-убийцы, почерпнутый Друмевым из национального исторического предания, в своей литературной обработке испытал несомненно значительное воздействие образа Бориса, обнаруживая даже совпадение с пушкинским текстом. Обращение к пушкинской трагедии, как к истоку трагических ситуаций и толкования эпизодов родной истории стало в болгарской драматургии весьма устойчивой традицией. В драматургии Ивана Вазова, в особенности в его трагедии «У пропасти», посвященной последним годам существования независимой средневековой Болгарии, пушкинская тема царя-преступника и проблема отношений царской власти и народа накануне катастрофических событий разрабатываются в прямой ориентации на пример «Бориса Годунова». В значительно более поздней исторической трагедии Ивана Грозева «Золотая чаша» финальная ремарка болгарского автора «народ безмолвствует» возвращает нас к пушкинскому тексту, воздействие которого совершенно ясно дает о себе знать и в образе византийского императора-убийцы, и в картине его столкновения с народом и массой еретиков-богомиллов.

Канун народного восстания 1876 г. был отмечен мощным развитием национальной болгарской литературы, выдвигающей именно в это время такого замечательного представителя революционной поэзии, как Христо Ботев. Уже в детские годы Христо Ботев познакомился с русской литературой, горячим поклонником и пропагандистом которой был его отец, известный болгарский педагог-народник Ботю Петков. Основательное знание русских классических и современных ему авторов Христо Ботев получил в годы своего учения в Одессе и в течение своего дальнейшего непрерывного контакта с русской культурой. Именно Христо Ботев вместе с Любеном Каравеловым были первыми представителями революционной болгарской демократии, органически сочетавшими в своем сознании воздействия русской революционно-демократической мысли с впечатлениями и восприятиями нашей художественной литературы. В своем стремлении поднять болгарскую литературу на уровень стоявших перед болгарским народом великих национально-освободительных задач Ботев и Каравелов

обращаются к идейным и художественным богатствам русской литературы и знакомят с нею болгарскую революционно-демократическую молодежь. Русские писатели, а в частности и Пушкин, становятся в это время прямыми союзниками болгарской национально-освободительной революции. Любен Каравелов издает в 1874—1875 гг. в Бухаресте «Капитанскую дочку» и «Кирджали» — два произведения, в которых поставлена тема народного восстания, особенно привлекавшая к себе мысли и чувства болгарской революционной демократии. Нет необходимости подчеркивать, что содержание пушкинского «Кирджали» — настоящей хайдутской повести в русской литературе — являлось в сознании болгарских читателей прямым вызовом турецкому владычеству. Нам неизвестна дата знакомства Каравелова с «Кирджали», но вероятнее всего, что пушкинский рассказ занял свое место в формировании Каравелова-прозаика и, хотя бы косвенно, содействовал созданию столь самобытного национального жанра революционной новеллы, как хайдутская повесть с ее классическим каравеловским образцом — рассказом «Дончо».

Особое место занимает Пушкин в поэзии Христо Ботева. Изучавший Белинского и испытавший прямое воздействие Добролюбова и особенно Чернышевского, Ботев внимательно относится к пушкинскому поэтическому реализму и к проблеме пушкинского реалистического, национального языка. В болгарской поэзии после начальных опытов Славейкова поэтическое творчество Ботева было, в сущности говоря, реализацией пушкинской языковой программы, созданием национальной поэтической речи, основанной на языке народа и воплощающей в себе его наиболее ценное достояние.

Огромное значение для Ботева-поэта имели идейные мотивы пушкинской лирики. Одним из показателей этого влияния служат отзвуки пушкинской «Вольности» в ботевской «Борьбе» и эпиграф из «Свободы сеятель пустынный», предваряющий «Юрьев день». Большее значение имеет, однако, тесная внутренняя связь идейных и психологических мотивов у двух великих поэтов. Творческая самобытность Ботева сказалась, в частности, в том, что известные пушкинские мотивы «толпы» и «черни» послужили для Ботева стимулом к поэтическому осознанию реальной болгарской действительности, в которой пронизательный политический взгляд болгарского революционера обнаружил и местную «чернь» и местную «толпу» — предков буржуазного мещанства и реакционной обывательщины, против которой направлены острые стрелы его сатирической лирики. Творческая самобытность Ботева сказалась также и в том, что на фоне поэтических богатств болгарского фольклора пушкинские «Песни западных славян» и некоторые другие произведения, связанные с судьбами балканских народов, дали, видимо, мысль о поэтическом претворении народной песни в революционно-демократическую лирику повстанческой борьбы и хайдутского подвига. С большей или меньшей вероятностью можно предположить, что на замысле ботевской поэмы «Хайдути», из

которой нам известно лишь ее начало, сказалось увлечение пушкинской поэмой, как жанром, составлявшим особую славу русского поэта у многих и многих его славянских читателей.

Из поэтического окружения Ботева вышел и такой большой национальный поэт, как Иван Вазов, биография которого содержит достаточное количество свидетельств о многообразных воздействиях на него русской литературы. К числу этих свидетельств относится и признание самого Вазова, зафиксированное его другом проф. Шишмановым, в котором болгарский поэт отводил Пушкину первое место. Уже в молодые годы Вазов увлекался пушкинской лирикой и ставил русского поэта рядом с Гомером. В своем первом стихотворении «Борьба» Вазов пошел по пути применения пушкинской темы «черни» к реальной болгарской действительности и обращения обличительно-патетического острия своего стихотворения против «невежд», гонителей просветительской мысли. Мотивами пушкинской лирики насыщены и многие позднейшие произведения Вазова, разрешавшие для него, как и для ряда его поэтов-современников, тему призвания поэта и его места в общественной борьбе. Разработка этой темы у Вазова почти на всем протяжении его поэтической деятельности, равно как и понимание Вазовым места поэзии в жизни людей, обнаруживают глубокую зависимость от пушкинского «Пророка». В данном случае болгарский поэт примыкал к тому пониманию пушкинского образа, которое мы встречаем в парижских лекциях Мицкевича.

Выше мы отмечали влияние Пушкина на драматургию Вазова. Подобное же влияние можно обнаружить и на эпических творениях писателя, в частности, на его знаменитом «Паисие» — поэме, посвященной создателю «Истории словено-болгарской» и первому пробудителю болгарского национального сознания в XVIII в. Образ историка Паисия у Вазова чрезвычайно близок к образу Пимена и вдохновлен пушкинской идеей о летописном труде, как хранилище народного предания и нелицемерном суде над деяниями исторических лиц.

Тот раздел поэтического наследия Вазова, который создал ему на родине славу первого и вдохновенного певца болгарской природы, не может быть понят во всем его литературном значении без учета воздействий пушкинского пейзажа на болгарского поэта. Именно Пушкину Вазов был в особенности обязан пониманием пейзажа, как картины родной природы и к тому же картины реалистической, порывающей с традициями сентиментальной пейзажной поэзии. Чувство родного в пейзаже, столь характерное для лирики Вазова и открывшее перед болгарской поэзией подлинные красоты очаровательной балканской природы, было в существенной мере поддержано, укреплено и поэтически осознано через пушкинскую пейзажную лирику.

Вазов занимает почетное место среди болгарских переводчиков Пушкина. В составленной им совместно с Константином Величковым хрестоматии для средней школы, по которой училось не одно поколение болгарской

молодежи, находится ряд переведенных Вазовым пушкинских творений, в том числе образцы лирики, строфы из «Евгения Онегина», сцены из «Бориса Годунова», отрывки из «Медного всадника» и т. д. Из хрестоматии Вазова и Величкова широкие слои населения в Болгарии познакомились с творчеством Пушкина. Введение русского языка как обязательного предмета в болгарской школе, осуществленное сразу после освобождения, еще в большей степени способствовало приближению Пушкина к широким массам, поскольку уже в младших гимназических классах Пушкин является основным материалом для учебного чтения и грамматических занятий русским языком.

В Болгарии 80—90-х годов можно наблюдать дифференциацию понимания и восприятия Пушкина новой общественностью послеосвободительного периода. Консервативная, но руссофильски настроенная, буржуазия насаждает представление о Пушкине, как о «благонамеренном» поэте и жреце «искусства для искусства», в то время как представители передовой общественности широко пропагандируют пушкинскую политическую лирику. Знаменательным является тот факт, что в годы германофильской диктатуры Стамбулова (1887 — 1894), яростно ополчившегося на русско-болгарские культурные связи, необыкновенно возрастает количество переводов Пушкина и посвященных ему статей в болгарской периодической печати. Для противников стамбуловского режима и в особенности для передовой болгарской общественности тех лет Пушкин становится знаменем русской народности и символом традиционной связи с русской культурой. Именно в это время Пушкина переводит один из лучших болгарских писателей, Алеко Константинов («Полтава», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы»). В этот же период появляются в болгарских переводах «Борис Годунов» (Трифонова), «Дубровский» (Анчева), почти все «Повести Белкина», «Пиковая дама» (Радева), «Песнь о вещем Олеге» (Шенчо Славейкова) и т. д.

Еще более важно отметить, что пушкинская поэзия в 1887—1894 гг. помогала болгарским передовым писателям в борьбе со стамбуловским режимом. Такие стихотворения, как «Вольность», «Анчар», «Узник», «Вакхическая песня», «В Сибирь», и другие были представлены на страницах болгарской периодической печати, помогая осознать политический протест против «личного режима» Фердинанда Кобургского и диктатуры Стамбулова.

В 1899 г. болгарская общественность широко отметила столетие со дня рождения великого русского поэта. Впервые в истории болгарской журналистики памяти писателя был посвящен специальный номер журнала, — в данном случае популярного «Българска сбирка». Статья Николая Бобчева, перевод части высказываний о Пушкине Белинского, перевод «Каменного гостя» (Трифонова), заметки о своей работе над переводами из Пушкина Алеко Константинова и, наконец, два стихотворения памяти Пушкина Попова и Вазова составили содержание специального пушкинского номера столичного двухнедельника.

Программным для журнала буржуазно-демократической и руссофильской ориентации явилось помещенное в нем на почетном месте стихотворение Вазова «Столетие Пушкина» с его заключительной патетической строфой:

О, Русь! могуча ты. Неистошима сила
И мощь твоих сынов. Их велико число,
Но никогда еще венком ты не дарила
Чела достойнее, чем Пушкина чело! ¹

Обращение Вазова к Пушкину: «о, гений *наш* славянский!» нельзя не рассматривать как вызов фердинандовскому режиму, стремившемуся ослабить болгарско-русские связи и чувство культурной и национальной славянской близости. Болгарская передовая общественность, чувствуя в 1899 г. великого русского поэта, чествовала в нем и поэта своего, признанного своим, принятого в число своих наставников и учителей. Тем самым в условиях антинародного и антиславянского режима в Болгарии находила свое продолжение та линия восприятия Пушкина, которая была утверждена деятелями болгарского возрождения — демократами в 50—70-х годах — и оставалась действенным фактором болгарско-русской связи и в последующие времена.

Особое место в юбилейных откликах 1899 г. занял цикл статей о Пушкине Пенчо Славейкова. Цикл этот составил из четырех публикаций, озаглавленных «Пушкин в Болгарии», «Пушкин в переводах», «Потаенная скорбь поэта» и «Пушкин как национальный поэт». Наибольший интерес из них представляют две последние статьи, дающие ряд принципиальных оценок пушкинского поэтического наследия.

В статье «Потаенная скорбь поэта» Пенчо Славейков рисует образ Пушкина в его столкновениях и трагических конфликтах с двором, лично с Николаем I и со всей светской «чернью» и пытается уточнить те философские мотивы, преимущественно поздней поэзии Пушкина, предверием которых ему представляется стихотворение «Узник».

Нет необходимости останавливаться на одностороннем толковании пушкинской лирики Славейковым, выпускающим из поля своего зрения существенно важные проблемы пушкинского творчества. Однако и односторонние наблюдения Славейкова имели свой положительный смысл в реальной обстановке 1899 г., противостоя казенному толкованию пушкинской поэзии в русской официальной и официозной прессе и ее болгарской агентуры.

В этом отношении еще более показательной явилась статья «Пушкин как национальный поэт»,² страдающая многочисленными частными ошибками в оценке идейного содержания пушкинской поэзии, но примечательная своим общим утверждением: «Вся Россия празднует сейчас день рождения своего великого художника слова. Это не обыкновенный литератур-

¹ См. А. Сиротинин. С родных полей. П., 1916, стр. 17.

² Пенчо Славейков. Чужди литературы. Събрани съчинени, том седми. София, Хемус, стр. 89 и сл.

ный праздник, а праздник национального сознания стомиллионного народа, занявшего свое особое место в ряду цивилизованных народов... Он родился и жил в эпоху духовного пробуждения своей нации, будущие великие задачи которой он постиг и провозвестником которых он стал, — провозвестником того, к чему стремятся самые видные сыны народа».

Ограниченность и в ряде случаев ошибочность идейной оценки Пушкина у Славейкова определялась свойственным ему воззрением на отношения поэта и народа, в которых он видел лишь противоречия и конфликты между творческой личностью и массой. С этих позиций объяснение пушкинского творчества оказывалось, в сущности говоря, невозможным, и отдельные верные замечания Славейкова тонули в натянутых и искусственных толкованиях.

Из приведенного выше материала можно вывести заключение, что в болгарской литературно-общественной среде творчество Пушкина находило наиболее глубокие отклики в години тяжких для болгарского народа исторических испытаний. Передовая болгарская общественность обращалась к Пушкину, в особенности в периоды, отмеченные усилением чужденационального или социального гнета, в периоды реакции и в периоды накопления прогрессивных и протестующих сил. Во всех этих случаях литературное наследие Пушкина служило идейной опорой передовой болгарской общественности, тем звеном, которое соединяло ее с великой русской культурой и русским народом.

Утверждение в 1923 г. фашистского режима в Болгарии, основной политической задачей которого являлось подавление прогрессивного и революционного движения внутри страны и включение ее в агрессивный антисоветский блок западных держав, принесло болгарскому народу неисчислимые бедствия и поставило его, в конце концов, перед угрозой непоправимой национальной катастрофы. Особую настойчивость и упорство болгарский фашизм проявлял в искоренении всякого рода симпатий болгарской общественности к Советскому Союзу и к его культуре. Конечно, ни искоренить этих симпатий, ни вытравить из сознания болгарского народа его давней любви и уважения к русской культуре болгарский фашизм не смог.

С другой стороны, для передовой болгарской общественности в это время понятие русской культуры становится однозначным понятию культуры советской. Имя Пушкина занимает здесь одно из первенствующих мест и вокруг этого имени объединяется широкий круг литературных и общественных деятелей, сопротивлявшихся режиму фашистского мракобесия.

Пушкинский юбилей 1937 г. обнаружил примечательную картину идейно-политического размежевания. Официальная, монархо-фашистская Болгария не могла обойти молчанием столетнюю годовщину смерти поэта, отмечающуюся во всех странах мира. Основными официальными представителями в данном случае выступили фашиствующие профессора Йоцов и

Арнаудов, из которых первый свою речь, произнесенную на пушкинском вечере в Народном театре, наполнил преимущественно антисоветскими клеветническими выпадами, а второй в ряде статей стремился доказать отсутствие у Пушкина ясного политического мировоззрения и преобладание в его творческой личности «художественного аристократизма» и «анти-социального инстинкта».

В противовес подобному рода утверждениям видные представители передовой болгарской общественности объединились на страницах однодневной газеты «Пушкин» для защиты прогрессивной и демократической традиции восприятия и понимания великого русского поэта. К этому времени пропагандистами Пушкина в Болгарии и его переводчиками стали ведущие литературные силы нового, революционного поколения во главе с Людмилом Стояновым, Николаем Хрелковым, Христо Радевским и др. Создалась новая культура пушкинского перевода и новое понимание социального облика его поэзии, развивавшее лучшие традиции демократов прошлого. Мысли этого поколения о Пушкине удачно воплотила в своем стихотворении «Пушкину» талантливая поэтесса Мария Грубешлиева:

Пройдут века путем необратимым,—
А ты все будешь как маяк сиять—
Средь всех имен крупнейшее имя:
Поэт, предтеча и пророк!
Не сам ли ты свою провидел славу?

И вот не только финн, тунгус, киргиз,—
А сотни их, племен тебе неизвестных,
От яростной Невы до льдов полярных,
От океанских медленных валов
До снежных кряжей гордого Памира,
Шестую часть планеты оглашая,
С любовью повторяют имя:

Пушкин!

Тот день пришел, великий день свободы:
Россия пробудилась ото сна,
Взошла звезда пленительного счастья,
И на развалинах бывшего мира
Начертано
Твое прославленное имя!

Людмил Стоянов следующим образом формулировал мысль о связи Пушкина с советской культурой: «Поэтическое дело Пушкина ныне объединяет мысли всего культурного человечества и устремляет их к стране, в которой гений его нашел свою высочайшую оценку и полнейшее признание. Пушкин... вырастает ныне во всем своем величии и достойно занимает свое истинное место. Только в стране новой культуры, в свободной советской стране Пушкин мог получить доступ к сердцам миллионов, завоевать, поистине, любовь киргиза и тунгуса, всего народа... Болгарская передовая интеллигенция, приемлющая Пушкина, как своего

учителя, как одного из великих представителей человечества, готовится чествовать столетие со дня его смерти с полным сознанием глубокой признательности. Она дает свободное выражение своим чувствам, чувствам восторга, преклонения и благодарности перед великим поэтом, который научил ее верить и бороться за самые возвышенные идеалы человечества».¹

Четкую и ясную политическую концепцию значения и места пушкинского наследия в период назревания второй мировой войны и фашистской агрессии мы находим в высказываниях проф. Янулова. В своей статье «Вечный Пушкин» он отмечает: «Наша эпоха — переходна. Как и в дни Пушкина, мир разделен на две части. Одна выступает в защиту свободы и демократии, зарю которых мы видим в эпохе Пушкина; другая стремится снова вернуть народы в рабство и остановить восход социальной правды. Вот почему единение вокруг великого русского поэта дает надежду на достижение свободы, а восхищение, вызываемое в широких массах всего мира его творчеством, служит знаком того, что в нашу эпоху победят свобода и социальная правда».²

Ряд представителей болгарской передовой интеллигенции останавливает внимание на существенных сторонах пушкинского поэтического наследия в их современном звучании и идейном значении.

Георгий Бакалов, выступая против попыток проф. Арнаудова толковать Пушкина как представителя «чистой поэзии», отмечает в своей статье «Политическая лирика Пушкина», что «Пушкин был первым блестящим русским политическим лириком, предвестником той свободолюбивой политической поэзии, которая была спутником и орудием борьбы русского народа за свободу... Не будучи организационно связанным с декабристами, великий поэт выступал глашатаем их свободолюбивых идей. Его политическая лирика воспринималась как манифест того освободительного движения, которое, расширяясь от десятилетия к десятилетию, охватывало новые и новые общественные слои».³

Тодор Павлов в статье «Почему велик Пушкин?» подробно останавливается на проблеме народности и национальности в пушкинском творчестве, рассматривая их в свете ленинского учения о двух нациях и двух национальных культурах в истории каждого народа. В статье «Социальные мотивы поэзии Пушкина» Марко Марчевский анализирует поэтические свидетельства о сочувствии Пушкина освободительной борьбе славянских и, в частности, балканских народов. Дополняющий эти статьи биографический очерк поэта, написанный Камен Зидаровым, удачно воссоздает перед болгарскими читателями облик Пушкина как народного поэта, погибшего в неравном поединке с русским абсолютизмом.

Из этого краткого обзора следует заключить, что в 1937 г. передовая болгарская общественность с полной ясностью и последовательностью

¹ «А. С. Пушкин. 100 години от смъртта му», София, 1937, 20 феврал, стр. 2.

² Там же, стр. 15.

³ Там же, стр. 3.

развивала и утверждала единственно возможные и правильные оценки творчества Пушкина как органического элемента современной подлинно демократической и антифашистской культуры. Болгарской демократической интеллигенции, с юных лет воспитанной на пушкинском наследии, при надлежит бесспорно первое место среди всей зарубежной славянской общности в понимании Пушкина как союзника современной революционной демократии, как поэта, целиком принадлежащего новому миру социальной правды и справедливости. Мысли эти нашли в 1937 г. свое выражение и в многочисленных откликах болгарских прогрессивных поэтов на пушкинский юбилей. Помимо уже цитированного стихотворения Марии Грубешлиевой, Пушкину посвятили свои поэтические выступления Пантелей Матвеев, Ангел Тодоров, Крум Пенев, Лозан Стрелков и иные представители болгарской молодой прогрессивной поэзии. В 1937 г. был опубликован и ряд новых переводов пушкинских произведений на болгарский язык, в том числе блестящий перевод, — четвертый по счету в болгарской литературе — «Евгения Онегина» Николая Хрелкова, перевод «Полтавы» и ряда лирических стихотворений Людмила Стоянова, переводы из пушкинской лирики Крума Пенева, Христо Радевского и впервые появившийся в Болгарии перевод лермонтовского стихотворения «На смерть Пушкина» Людмила Стоянова. Передовая болгарская литература и общественная мысль, таким образом, исключительно горячо откликнулись на знаменательную дату.

Сопоставление этих откликов с выступлениями прогрессивных литературных и общественных сил в других славянских странах, прежде всего в Польше и в Чехословакии, свидетельствует о том, что в 1937 г. перед лицом агрессивного фашизма лучшие силы передовых славянских литератур объединились вокруг имени великого русского поэта в защиту подлинной демократии, свободы и цивилизации против поднимающейся волны варварского мракобесия и человеконенавистничества. Чествуя Пушкина, передовое славянство выражало вместе с тем свою глубокую и искреннюю признательность его великой Родине — оплоту мира и демократической культуры во всем мире.

Передовая болгарская общественность пронесла высокий образ Пушкина и через годы второй мировой войны и героического сопротивления болгарской революционной демократии германо-фашистскому режиму на Балканах. Свидетельством этому служит относящееся уже к годам войны стихотворение «Пушкин» поэта Пантелея Матеева:

В години войн, и смуты, и тревоги,
 Когда все дни под пеплом душевной мглы,
 Когда все лица пасмурны и строги,
 Когда все мысли скорбно тяжелы,
 Нам чужд порыв лирических волнений,
 Веков прошедших нам чужда мечта,
 Нет, наша речь — не пафос песнопений:
 Она скупа, сурова и проста.

Но и теперь, сквозь канонады грохот,
Сквозь стон и боль, сквозь звон штыков стальных,
Доносится, как волн далеких рокот,
О Пушкин, твой разящий стих!

Стары, как мир, мученья и страдания.
Бунт величав! Он громом прогремит,
В нем всех народов наших упование.
Мы славим гнев, что молнией разит...

Сияй, поэт, в веках весной лучистой,
Звени своим пленительным стихом.
Воспев мечту казненных декабристов,
Ты сам убит кровавым палачом.

В твоих созвучьях мы слышим снова
Ту мысль, которой мир ты освещал,
Которую могучим мудрым словом
Своим потомкам в мире завещал.¹

9 сентября 1944 г. в результате исторических побед Советской Армии и народного восстания в Болгарии был свергнут кровавый монархо-фашистский режим. Новая, демократическая Болгария осуществила вековые мечты своего народа и вступила при братской помощи Советского Союза на путь социалистического строительства. В культурном строительстве новой, свободной Болгарии, развивающемся в самой тесной, братской связи с культурой великого советского народа и стран народной демократии, наследие Пушкина занимает высокое и достойное его место. Свободолюбие, народность, патриотизм и жизнеутверждающий оптимизм пушкинской поэзии становятся теперь еще более близким и интимным достоянием болгарского народа.

В 1948 г., в связи со сто одиннадцатой годовщиной со дня смерти поэта его болгарский биограф Камен Зидаров отмечал: «Многообразное и огромное пушкинское наследие должно быть изучено еще и потому, что оно глубоко созвучно нашей современности. Его торжественный, жизнеутверждающий оптимизм, его вера в торжество разума, в объективную реальность жизни и вера в высокое призвание человека, его пламенное стремление к свободе, его поэзия борьбы и побед, его глубокая связь с источниками народной мудрости и народных сил, его устремленность к тому светлому будущему, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», — все это изо дня в день с большей силой раскрывает перед нами очарование пушкинской поэзии и заставляет нас чувствовать его своим, родным поэтом».

Выражая в этих словах точку зрения всей передовой болгарской общественности наших дней, Камен Зидаров характеризует положительные мотивы восприятия пушкинской поэзии болгарским народом, исторически

¹ «Песни и думы». Переводы с болгарского. М., 1941, стр. 55—56.

восходящие, как мы видели, к периоду национального возрождения и национально-освободительной революции, но обогащенные опытом строительства новой демократической Болгарии и ее тесных связей с культурой Советского Союза.

Демократическая болгарская общественность словами Камена Зидарова подчеркивает огромное политическое значение пушкинской поэзии в современности: «И ныне, когда юбилей Пушкина совпадает с великой борьбой за мир прогрессивного и демократического человечества против поджигателей новой войны, когда впереди демократического и прогрессивного мира идет миролюбивое славянство во главе с непобедимым Советским Союзом, — с какой жестокой обвинительной силой звучат слова поэта против тех новых «клеветников России», которые хотят забыть, что отдали советские народы для избавления мира от гитлеро-фашистского ига, и прилагают преступные усилия для организации нового похода против СССР».

Так в сознании передовой болгарской общественности содержание пушкинской поэзии тесно и неразрывно сплетается с высокой идеей демократической солидарности свободных славянских народов и их единого устремления к мирному, созидательному, социалистическому труду.

Свободная Болгария, как и все страны народной демократии, деятельно готовилась к столетиядесятилетию со дня рождения великого русского поэта, давно уже ставшего неотъемлемым достоянием и болгарской народной культуры. Нет сомнения в том, что этот юбилей еще более укрепил моральные и культурно-политические связи между болгарским народом и народами Советского Союза. Нет и не может быть также сомнения в том, что поэзия Пушкина, в которой с такой предельной чистотой воплощены заветные народные чаяния, навсегда останется прочным звеном непоколебимой братской связи болгарского и русского народов.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949

МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

1951
